

УДК 631.1(470.5)(091) + 631.2(470.5)(091) +
+ 631.1(470.32)(091) + 631.2(470.32)(091)

С. А. Нефедов

ДОХОДЫ И ТРУДОЗАТРАТЫ КОЛХОЗНИКОВ 1930-Х ГГ.*

Рассматривается уровень жизни советских колхозников конца 1930-х гг. Анализируются данные как по СССР в целом, так и по двум регионам — Уралу и Центральному Черноземью. Оправдывается мнение некоторых современных исследователей о том, что российская деревня того времени была «голодной, унылой, обездоревшей и деморализованной». Используя новые архивные материалы, автор показывает, что, несмотря на более низкий уровень потребления, чем в эпоху НЭПа, российская деревня 30-х гг. не страдала от голода, а так называемое «второе крепостное право» является мифом.

Ключевые слова: СССР; Урал; Центральное Черноземье; тридцатые годы; доходы колхозников; поступление зерна; приусадебные хозяйства; отходничество.

Советская историография описывала жизнь колхозников 1930-х гг. в целом в оптимистическом ключе. Наиболее известные работы, посвященные этой теме, принадлежат перу известного исследователя М. А. Вылцана [1970; 1978] и содержат ценные фактические материалы, однако, в силу закрытости в тот период многих архивных фондов, эти материалы имеют выборочный и фрагментарный характер. «Благодаря колхозному строю была ликвидирована рабская привязанность крестьянина к своему мелкому хозяйству... — писал М. А. Вылцан. — Социалистический строй обеспечил не только подъем сельскохозяйственного производства, но и рост потребления колхозным крестьянством продовольственных продуктов» [Вылцан, 1970, с. 156–157]. Западная историография придерживалась диаметрально противоположной точки зрения, и автор наиболее подробной работы о жизни российской деревни после коллективизации Ш. Фицпатрик называет колхозные порядки «вторым крепостным правом» [см.: Фицпатрик, с. 147]. «В колхозе, как и в прежнем помещичьем имении, крестьяне обязывались по меньшей мере половину своего времени работать на чужих (т. е. колхозных) полях практически без оплаты... — пишет Ш. Фицпатрик. — Типичная российская деревня 30-годов была голодной, унылой, обездоревшей и деморализованной (выделено нами. — С. Н.)» [Фицпатрик, с. 147, 293]. Этот вывод поддерживают некоторые российские историки: так, например, Ю. М. Иванов утверждает, что в Советском Союзе «в течение двух десятилетий бессмысленный принудительный труд обрек население на вымирание от голода и непосильной работы» [Иванов, с. 65].

Ни Ш. Фицпатрик, ни Ю. М. Иванов не приводят конкретных сведений о том, сколько работали крестьяне и что они получали за свою работу, поэтому попытаемся осветить этот вопрос, опираясь на имеющиеся в архивах (и частью

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-УРАЛ 11-11-66003 а/У и программы фундаментальных исследований УрО РАН «Урал в контексте российской модернизации».

еще не опубликованные) сведения о доходах и трудозатратах колхозников. В территориальном отношении использованные в этой статье данные касаются СССР в целом и двух регионов — Уральского и Центрально-Черноземного. Эти два региона представляют в известном смысле два полюса в многообразии экономических регионов России: если Центральное Черноземье было страдающим от перенаселения сугубо аграрным регионом, то Урал был индустриальной областью, где крестьянство не испытывало недостатка в земле.

Рассмотрим в первую очередь вопрос о размерах государственных поставок и их доле в валовом сборе (табл. 1).

Таблица 1
*Доля государственных поставок**

Госпоставки, % к валовому сбору	Год (календарный)					
	1933/34	1935/36	1936/37	1937/38	1938/39	1939/40
Зернопоставки	33,4	21,9	22,5	11,7	14,3	14,9
Натуроплата МТС	7,8	10	13,6	12,9	15,1	20,2
Госзакупки	—	5,1	3,7	3,4	4,5	4,2
<i>Всего:</i>	<i>41</i>	<i>37,1</i>	<i>39,9</i>	<i>28</i>	<i>34,0</i>	<i>39,2</i>

* Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 70, л. 84; Колхозы во второй сталинский пятилетке..., с. 95; Вылчан, 1978, с. 144; История советского крестьянства..., с. 80, 91].

В 1933/34 г. государственные зернопоставки в среднем по стране составляли третью часть урожая. Но по регионам имелись существенные вариации: в Уральской и Центрально-Черноземной областях госпоставки достигли 36 % валового сбора [см.: РГАЭ, ф. 1562, оп. 70, л. 84]. В дальнейшем госпоставки стали снижаться, и в 1938—1939 гг. они составляли примерно 15 % урожая. Однако процент товарности колхозов при этом не уменьшился. Прогрессирующая механизация сельского хозяйства привела к увеличению натуроплаты МТС, и зерно теперь поступало государству не в качестве ничем не прикрытых изъятий, а как оплата за выполненные сельскохозяйственные работы. Кроме того, появились государственные закупки, которые осуществлялись хотя и под нажимом властей, но по более выгодным ценам, нежели обязательные зернопоставки.

В результате коллективизации и введения госпоставок доля валового сбора, шедшая на личное потребление крестьян, значительно сократилась. В 1929/30 хозяйственном году эта доля составляла в Центрально-Черноземной области 33,6 %, а в Уральской области — 36,2 % [см.: ГАРФ, ф. А374, оп. 16, д. 129, л. 8, 15]. В 1938/39 г. доля зерна, выдаваемая на трудодни, составляла в Курской области 19,4 %, в Свердловской области — 25,7 % [подсчитано по: ГАРФ, ф. А374, оп. 16, д. 770, 771, ненумерованные ленты годовых отчетов колхозов]. Таким образом, доля зерна, идущая на личное потребление крестьян, после коллективизации намного уменьшилась. Соответственно по стране в целом уменьшилось и потребление хлеба, хотя в некоторых районах, в том числе на Урале, оно осталось практически на прежнем уровне [см.: Нефедов, 2010; 2012].

Поступление зерна от колхоза играло главную роль в доходах колхозников: это зерновое довольствие должно было обеспечить пропитание крестьянской семьи (табл. 2).

Таблица 2
*Зерновое довольствие по данным бюджетов колхозников**

Территория	Поступление зерна от колхозов и МТС, кг на чел.							
	1935/ 36	1936/ 37	1937/ 38	1938/ 39	1939/ 40	Среднее 1937/38— 1939/40	Продукция личного хозяйства, среднее 1937/38— 39/40	Общее поступ- ление
СССР	204,8	150,3	390,9	189,8	193,7	258,2	17,3	275,4
Воронежская обл.	175,7	69,2	460,9	95,0	155,5	237,1	23,7	260,8
Свердловская обл.	292,3	113,7	814,1	390,9	243,3	482,7	3,8	486,6

* Подсчитано по: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 81, д. 40, л. 11–16, 171–172; оп. 83, д. 1, л. 11; д. 2, л. 12; оп. 327, д. 26, л. 7–12].

В табл. 2 и далее (табл. 3–7) использованы данные бюджетных обследований колхозников, ежегодно проводившиеся Центральным управлением народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ). В 1937 г., например, обследовалось 16 410 хозяйств колхозников, в 1938 г. – 16 541 хозяйство. В Центральном Черноземье и на Урале в каждой области обследовалось 500–700 хозяйств [см.: РГАЭ, ф. 1562, оп. 82, д. 1, л. 1]. При каждом обследовании ЦУНХУ осуществляло проверку репрезентативности выборки обследуемых хозяйств, обеспечивая необходимую точность данных.

Как следует из данных табл. 2, в конце 1930-х гг. колхозники получали из колхоза и от МТС в среднем 258 кг на душу, еще 17 кг составлял урожай приусадебных участков и арендованных у колхоза полей. Душевая норма потребления зерна вместе с картофелем (в пересчете на зерно) составляет примерно 240 кг в год. Для пропитания 275 кг зерна было вполне достаточно, так что, вопреки утверждению Ш. Фишпатрик, крестьяне кое-что получали за свою работу в колхозе.

Однако поступление зерна в счет трудодней было крайне неравномерным как по годам, так и по регионам. В 1930-е гг. засухи следовали одна за другой, поражая прежде всего Центральное Черноземье. В 1936/37 г. колхозники Воронежской области получили на трудодни только 69 кг на душу. В результате весной 1937 г. начался голод, который не привел к большим жертвам лишь благодаря помощи государства. Зато в следующем (1937) году урожай был высокий, и колхозники Воронежской области получили 461 кг зерна на душу, а в Свердловской области – даже 814 кг. Но в 1938 г. в Центральном Черноземье снова случилась засуха, поступление зерна составило всего лишь 95 кг на душу.

Голод весны 1937 г. охватил значительную часть территории СССР и оказался последним в трудную эпоху, когда кризис коллективизации совпал с очередой засушливых лет. Обильный урожай 1937 г. позволил колхозникам создать значительные запасы и пережить два неурожая 1938 и 1939 гг. (табл. 3).

Таблица 3

*Запасы зерновых в хозяйствах колхозников
(на конец июня учетного года)**

Территория	Запасы, кг на душу				
	1936	1937	1938	1939	1940
СССР	42,74	25,73	153,6	72,5	42,8
Воронежская обл.	37,3	5,95	229,76	61,26	30,4
Свердловская обл.	67,3	12,01	403,44	256,09	58,5

* Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 327, д. 26, л. 17; оп. 83, д. 1, л. 12, 187; оп. 83, д. 1, л. 12; оп. 81, д. 40, л. 15].

Кроме зерновых, большую роль в продовольственном обеспечении колхозников играл картофель. Однако картофель в основном производился в подсобном хозяйстве колхозников, на выдаче по трудодням приходилась только четвертая часть всего поступления картофеля.

Засухи 1936, 1938 и 1939 гг. отразились не только на производстве зерновых, но и на производстве картофеля, и особенно в Воронежской области. В среднем по СССР в 1940 г. 42 % всех посевов картофеля приходилось на приусадебные участки колхозников. Картофель и раньше выращивался по большей части на приусадебных землях. После коллективизации он стал основой личного хозяйства колхозников. Как показывает баланс картофеля 1937/38 г. (табл. 4), примерно 11% чистого сбора картофеля в хозяйствах колхозников приходилось на обязательные поставки государству или МТС, 10 % продавалось, 29 % шло на личное потребление и 36 % – на корм скоту [подсчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 303, д. 37, л. 21]. Таким образом, картофель составлял существенную часть кормовой базы индивидуального животноводства.

Продукты животноводства, мясо и молоко, также производились в основном в подсобном хозяйстве, выдачи этих продуктов с колхозных ферм были незначительны (табл. 5).

В производстве мяса наблюдается та же картина, что и в производстве зерновых: колхозники Свердловской области получают мяса больше, чем в среднем по стране, а колхозники Воронежской области получают меньше среднего. В связи с проблемой обеспечения колхозников молоком будет уместно вспомнить об обещании Сталина обеспечить каждого колхозника коровой. Было ли выполнено это обещание? Летом 1939 г. был достигнут максимальный для предвоенных лет уровень обеспеченности колхозников скотом, коровами было обеспечено 87 % семей. При этом в Свердловской области корова была в каждом дворе, но в Воронежской области четверть семей не имела коров [см.:

Таблица 4
*Производство картофеля в подсобных хозяйствах колхозников, кг на душу**

Территория	1935/ 36	1936/ 37	1937/ 38	1938/ 39	1939/ 40	Среднее 1937/38 – 1939/40	Получено из колхоза, среднее 1937/38 – 1939/40	Общее поступ- ление карто- феля
СССР	390,7	297,6	402,2	252,2	233,4	295,9	106,8	402,8
Воронежская обл.	472,2	248,6	397,8	131,4	272,0	267,1	40,7	307,7
Свердловская обл.	439,9	177,2	291,6	419,1	442,7	384,5	16,5	400,9

* Подсчитано по: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 81, д. 40, л. 11–16, 171–172; оп. 83, д. 1, л. 11; д. 2, л. 12; оп. 327, д. 26, л. 7–12].

Таблица 5
*Производство мяса и молока в индивидуальных хозяйствах колхозников,
кг на душу**

Территория	1936	1937	1938	1939	1940	Среднее 1937–1940
<i>Мясо и сало</i>						
СССР	18,3	15,7	25,2	27,9	18,5	21,8
Воронежская обл.	16,9	нет св.	21,6	20,6	15,4	19,2
Свердловская обл.	24,1	10,8	28,0	46,0	20,5	26,3
<i>Молоко</i>						
СССР	192,4	192,1	202,2	194,1	186,9	193,8
Воронежская обл.	192,1	нет св.	219,0	221,0	237,3	225,8
Свердловская обл.	178,2	258,1	280,2	233,2	207,2	244,7

* Подсчитано по: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 81, д. 40, л. 11–16, 171–172; оп. 83, д. 1, л. 11; д. 2, л. 12; оп. 327, д. 26, л. 13].

РГАЭ, ф. 1562, оп. 83, д. 2, л. 35] (до коллективизации в Центральном Черноземье на двор приходилось в среднем 0,85 коровы, а на Урале — полторы [см.: Нефедов, 2009, с. 123]). Однако появившееся в 1939 г. постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» ограничило доступ колхозников к общественным сенокосам, что привело к нехватке кормов и сокращению поголовья личного скота колхозников. К началу 1940 г. обеспеченность колхозников коровами упала в среднем по СССР до 73 %, в Свердловской области — до 86 %, в Воронежской области — до 66 % [см.: РГАЭ, ф. 1562, оп. 83, д. 2, л. 35].

Что касается денежных доходов колхозников, то они складывались в основном из сумм, получаемых из колхоза, от работы отходников по найму, от

продажи и сдачи государству мяса и молока и от продажи продуктов на колхозном рынке (табл. 6).

Таблица 6
*Структура денежных доходов колхозников в 1939 г.**

Стати поступления доходов	СССР	Воронежская	Свердловская	Днепропетровская
Всего поступило, руб.	586,5	455,4	554,3	723,1
В т. ч. из колхоза	96,2	22,6	56,2	233,1
Заработано в МТС	14,8	14,9	24,5	11,9
Заработка по найму	85,7	108,2	80,5	57,4
От продажи и сдачи продуктов животноводства	112,4	102,8	81,3	175,1
От продажи сельхозпродук- тов на колхозном рынке	152,7	117	230,4	165

* Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 83, д. 1, л. 19; д. 2, л. 18].

Как следует из данных табл. 6, крестьяне получали наибольшие доходы от продажи сельхозпродуктов на колхозном рынке и сдачи (или продажи) мяса и молока государству и кооперации. Продаваемые товары были в основном продукцией приусадебных хозяйств. В Воронежской области, где доходы были меньше, чем в других областях, крестьяне отчасти компенсировали потери заработком на стороне. В сравнении с денежными доходами рабочих денежные доходы колхозников были невелики: в 1939 г. средний доход в семьях рабочих составлял 2 172 руб. в год [РГАЭ, ф. 1562, оп. 15, д. 1076, л. 30]. Но из этой суммы 1 226 руб. уходило на питание, в то время как колхозники получали продукты натурой. Если принять во внимание это обстоятельство, то доходы колхозников и рабочих оказываются более сопоставимыми.

Коллективизация не разрешила проблемы региональных различий в уровне потребления: как и прежде, в стране продолжали существовать относительно бедные и относительно богатые области. Наиболее богатыми областями СССР продолжали оставаться области Степного Причерноморья. После голода 1933 г. Сталин пошел на уступки крестьянам и казакам Юга: им были обеспечены большие приусадебные участки (0,72 га в Ростовской области), они получали много зерна и денег от богатых колхозов. На Юге не знали голода весны 1937 г.: в 1936/37 г. (когда воронежцам досталось по 69 кг зерна) колхозники Днепропетровской области получили по 431 кг зерна на душу и потратили по 150 кг на откорм свиней [см.: Там же, оп. 81, д. 40, л. 12, 27].

Проблема региональных различий в уровне жизни была связана с сохраняющимся аграрным перенаселением центральных областей [см. об этом: Нефедов, 2005, с. 315–317; 2011, с. 422–430]. В 1939 г. численность населения Центрально-Черноземного района была на 3,5 % меньше, чем в 1927 г. [см.: Высотина, с. 90], посевная площадь зерновых также уменьшилась на 3 % [РГАЭ,

ф. 1562, оп. 87, д. 11, л. 1]. В итоге на крестьянский двор по-прежнему приходилось 4,2 га посева зерновых [см.: Нефедов, 2009, с. 123]. На Урале ситуация была кардинально иной. «Тракторизация» позволила освоить здесь большие пространства целины, а сельское население сократилось на 14 % [Всесоюзная перепись..., с. 22–24, 44–45]. В итоге если в 1926 г. на территории Уральской области на двор приходилось 4,4 га посева [Нефедов, 2009, с. 123], то в 1938 г. в Свердловской и Челябинской областях – 9,3 га посева зерновых [подсчитано по: ГАРФ, ф. А374, оп. 16, д. 771, ненумерованные годовые отчеты колхозов]. В конце 1930-х гг. на колхозный двор в Воронежской области приходилось только 11 га сельскохозяйственных угодий, в Свердловской области – 27 га, а в Челябинской области – даже 40 га [Колхозы во второй сталинской пятилетке..., с. 9]. Поэтому колхозники Воронежской области имели в среднем 261 кг зерна на душу, а колхозники Свердловской области – 487 кг.

К концу 1930-х гг. механизация еще более обострила проблему аграрного перенаселения. В 1920-х гг. уборка урожая требовала привлечения всех сил деревни, а в конце 1930-х гг. в уборке участвовало только 57–60 % трудоспособного сельского населения [см.: Матвеев, с. 116]. Все остальные могли уйти на заработки в город, тем более что там была работа и платили гораздо больше, чем в колхозе. Действительно, данные бюджетных обследований показывают огромный рост отхода: трудоспособный мужчина в среднем проводил 77 дней в отъезде. В колхозе он работал только 169 дней и еще 119 дней проводил в праздности или работал на приусадебном участке (табл. 7). Эти средние цифры, конечно, несколько искажают реальность: одни крестьяне могли работать в колхозе весь год, а другие – весь год находиться в отходе. В 1926–1939 гг. из деревни в город переселилось 18,5 млн человек [см.: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 279, л. 23]; в первую очередь в города уходили молодые мужчины, поэтому на селе образовалась диспропорция полов: в 1937 г. на 16,4 млн работников- мужчин приходилось 19,9 млн. женщин [см. об этом: Жиромская, Киселев, Поляков, с. 73]. При этом каждый из 6 млн мужчин и 7 млн женщин выработал в 1937 г. менее 50 трудодней [см.: Аристов, с. 94]. Рабочий день колхозника в среднем оценивался в 1,3 трудодня [см.: Фицпатрик, с. 166], т. е. реально 13 из 36 млн колхозников работали в колхозе менее 38 дней в году. Мужчины по большей части находились в отходе, а женщины работали на приусадебном участке и ухаживали за личным скотом (93 % работы на приусадебном участке приходилось на долю женщин) [см.: Стеценко, с. 33]. По традиции считалось, что если муж работает хорошо (например, является трактористом), то жена может сидеть дома. Но были семьи, в которых муж постоянно находился в отходе, а жена почти не работала в колхозе, такие семьи называли «мнимыми колхозниками». В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» говорилось: «Ввиду того, что в колхозах имеются не только честные труженики... но имеется также некоторая часть трудоспособных колхозников, вырабатывающих в течение года не более 20–30 трудодней, но продолжающих числиться колхозниками и сидящих на шее у колхоза, считать целесообразным установить начиная с 1939 г.

для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы обязательный минимум трудодней в году» [О мерах охраны, ст. 235].

Таблица 7

*Среднее распределение рабочего времени в течение года
для взрослого работника-мужчины**

Показатель занятости	Годы	СССР	Центральное Черноземье	Урал
Рабочие дни по месту жительства	1924–1925	222	203	213
Рабочие дни в колхозе	1938–1940	169	157	181
Дни отсутствия	1924–1925	9	18	4
	1938–1940	77	85	73
Нерабочие дни	1924–1925	134	143	123
Нерабочие дни или работа на приусадебном участке	1938–1940	119	123	111

* Для 1924–1925 гг. подсчитано по: [Минц, с. 22–23]; для 1938–1940 гг. подсчитано по: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 81, д. 40, л. 6, 168; оп. 83, д. 1, л. 3; д. 2. л. 3; оп. 327, д. 26, л. 3]; данные по Черноземью — для Воронежской области, для Урала — по Свердловской области.

После введения минимума трудодней в некоторых колхозах (например, в Сумской области Украины) стало выходить на работу вдвое больше работников, чем прежде. Но в целом по Украине число отработанных человеко-дней в расчете на одного трудоспособного увеличилось только на 2,5 %. Колхозы в других республиках также не торопились выполнять предписания центра, а кое-где попросту отсутствовал точный учет трудоспособных колхозников [см.: Карпов, с. 34–40; Стеценко, с. 28].

В целом, нужно заметить, что крестьяне работали в колхозе намного меньше, чем прежде в своем хозяйстве. К тому же и рабочий день стал короче: раньше единоличник работал от зари до зари, а теперь колхозник трудился в среднем 10 часов летом и 7 часов зимой [см.: Маркус, с. 266]. Нужно учесть также, что по переписи 1926 г. сельским хозяйством занималось 71,7 млн «активных» работников, причем 11,8 млн — в возрасте от 10 до 15 лет и 4,8 млн — в возрасте 60 лет и старше [Всесоюзная перепись населения..., с. 8]. В страду в поле от зари до зари работали все, и стар и мал. В 1930-е гг., судя по годовым отчетам колхозов, несовершеннолетних и старики за работников не считали, а использование детского труда было прямо запрещено законом (лишь в октябре 1940 г., в предвоенной обстановке, подростков 14–15 лет стали включать в число трудоспособных, поскольку они проходили обучение рабочим специальностям в рамках подготовки трудового резерва [см.: Вылцан, 1973, с. 21]). Механизация сельского хозяйства (в основном) освободила несовершеннолетних и старики от тяжелого «страдного» труда. Трактора и комбайны сняли сезонные пики нагрузки, и трудовая мобилизация всех членов крестьянской семьи на уборку урожая отошла в прошлое.

Таким образом, сентенции Ю. М. Иванова о «бессмысленном принудительном труде», который якобы «обрек население на вымирание от голода и непосильной работы», не имеют ничего общего с действительностью. Ш. Фицпатрик, которая пишет о «втором крепостном праве», далее в своей работе признает, что «начиная с 1934 г., несмотря на формальные ограничения... для трудоспособных колхозников уехать на время или навсегда не являлось особой проблемой, а в иные годы, когда в промышленности не хватало рабочих рук, правительство активно поощряло их к этому... В конце 30-х гг., когда увеличившийся призыв в армию, казалось, исчерпал ресурсы рабочей силы в колхозах, Сталин тем не менее призвал колхозы выполнить свой долг перед промышленностью и давать ей по меньшей мере полтора миллиона молодых колхозников в год...» [Фицпатрик, с. 113–114]. Конечно, фактическая свобода переселения в города никоим образом не согласуется с формальным определением «крепостного права» и с реальностью барщинного крепостничества первой половины XIX в. [см.: Нефедов, 2011б].

Возможность для крестьян уйти из колхоза в город — на заработки или навсегда — определяла психологическую обстановку в колхозах. Ш. Фицпатрик приводит письмо председателя колхоза из Ярославской области, показывающее, как крестьяне выполняли «барщину»: «В данный момент колхозники бросили колхозную работу, ушли на сторону или работают возле своих домов, а у колхоза еще не выполнены гособязательства по зерну и картофелю. Скот к зимовке не подготовлен, дворы не ремонтируются, колхозники за трудодни не идут...» [Фицпатрик, с. 164]. Некоторые сообщения наводят на мысль, что вместо того, чтобы работать в колхозе, крестьяне постоянно праздновали. «Сейчас “воскрешают” даже и такие “праздники”, о существовании которых и в лучшие для церкви времена мало кто помнил, — писал корреспондент ленинградской газеты в 1938 г. — В некоторых наших районах таких “праздников” насчитывают до 180 в год...» [цит. по: Там же, с. 232–233]. «Больше всего докучали советским властям праздники, имевшие место в летние месяцы, когда, по логике сельскохозяйственного календаря, крестьяне должны были интенсивно трудиться, — продолжает Ш. Фицпатрик. — Вместо этого колхозники устраивали себе выходные, напиваясь на местных ярмарках. Череда религиозных праздников в июле, включавшая день Ивана Купалы (дохристианский) 7 июля и Петров день 12 июля, вызывала наибольшие опасения, поскольку проходила в пору сенокоса. Петров день по сообщениям из разных областей праздновали “в большинстве колхозов”, невзирая на задержку сенокоса. В одном сельсовете Ленинградской области в 1938 г. “в разгаре сеноуборки колхозники прогуляли из-за религиозных праздников 288 человеко-дней”; в Свердловской области крестьяне одного колхоза “не работали несколько дней, пьянизовали в связи с праздником Петра и Павла, когда надо было каждый день использовать для уборки сена”... В Славковском районе устраивается 85 ярмарок, и почти все ярмарки приходятся на летнее время... По праздничным и базарным дням прекращали работу не только крестьяне, сельские “советские” учреждения — колхозное правление и клуб — закрывались тоже... Колхоз “Третий Интернационал” в Омской области по

сообщениям потратил в 1939 г. 30 000 руб. на выпивку в ходе трехдневной пирушки, отмечая религиозный праздник» [Там же].

Описания подобного рода (со ссылками на многочисленные источники) занимают несколько страниц в книге Ш. Фицпатрик. При этом американская исследовательница описывает лишь религиозные праздники, в то время как были еще официальные советские празднества, сопровождавшиеся не меньшими потерями. Характерно, что многие празднества происходили в страду, чего прежде крестьяне не могли себе позволить. Это объяснялось тем, что средние затраты труда на полеводство и луговодство в летние месяцы сократились с 17–20 дней на работника в 1920-х гг. до 12–16 дней в конце 1930-х гг. [см.: Вылцан, 1973, с. 30].

Таким образом, типичная российская деревня 1930-х гг. не была «голодной, унылой, обезлюделой и деморализованной». Статистические данные показывают, что действительно потребление хлеба и мяса по сравнению с временами НЭПа уменьшилось и весной 1937 г. в некоторых районах был голод, но затем, в последние предвоенные годы, положение улучшилось, «жить стало лучше, жить стало веселее». Разумеется, ни о каком «вымирании населения от голода и непосильной работы» не могло быть и речи.

Аристов Н. Организованный набор рабочей силы// Плановое хозяйство. 1939. № 11. С. 89–99. [Aristov N. Organizovannyj nabor rabochej sily // Planovoe khozyajstvo. 1939. N 11. S. 89–99].

Всесоюзная перепись населения 1926 года : краткие сводки. Вып. 10. М., 1929. [Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda : kratkie svodki. Vyp. 10. M., 1929].

Вылцан М. А. Завершающий этап создания колхозного строя (1935–1937). М., 1978. 263 с. [Vyltsan M. A. Zavershayuschij etap sozdaniya kolkhoznogo stroya (1935–1937). M., 1978. 263 s.].

Вылцан М. А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938–1941). М., 1970. 200 с. [Vyltsan M. A. Sovetskaya derevnya nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny (1938–1941). M., 1970. 200 s.].

Вылцан М. А. Трудовые ресурсы колхозов в довоенные годы // Вопр. истории. 1973. № 2. С. 21–31. [Vyltsan M. A. Trudovye resursy kolkhozov v dovoennye gody // Vopr. istorii. 1973. N 2. S. 21–31].

Высотина Е. А. Социально-демографическое развитие Центрального Черноземья в 1920–1930-е гг. : дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. 193с. [Vysotina E. A. Sotsial'no-demograficheskoe razvitiye Tsentral'nogo Chernozem'ya v 1920–1930-e gg. : dis... kand. ist. nauk. Voronezh, 2007. 193 s.].

ГАРФ. Ф. А374 (ЦСУ РСФСР). [GARF. F. A374 (TSSU RSFSR)].

Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «Секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. 151 с. [Zhiromskaya V. B., Kiselev I. N., Polyakov Yu. A. Polveka pod grifom «Sekretno». Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda. M., 1996. 151 s.].

Иванов Ю. М. В сталинском «райо». М., 2005. 115с. [Ivanov Yu. M. V stalinskem «rayu». M., 2005. 115 s.].

История советского крестьянства : в 5 т. Т. 3. М., 1987. 447 с. [Istoriya sovetskogo krest'yanstva : v 5 t. T. 3. M., 1987. 447 s.].

Карпов И. За дальнейшее усиление трудовой дисциплины в колхозах // Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 4. С. 34–40. [Karpov I. Za dal'nejshee usilenie trudovoj distsipliny v kolkhozakh // Sotsialisticheskoe sel'skoe khozyajstvo. 1940. N 4. S. 34–40].

Колхозы во второй сталинской пятилетке. М.-Л., 1939. 240 с. [Kolkhozy vo vtoroj stalinskoy pyatiletke. M.-L., 1939. 240 s.].

Маркус Б. Труд в социалистическом обществе. М., 1939. 307 с. [Markus B. Trud v sotsialisticheskem obschestve. M., 1939. 307 s.].

Матвеев И. О некоторых вопросах комбайнизации уборки зерновых // Плановое хозяйство. 1937. № 7. С. 103–118. [Matveev I. O nekotorykh voprosakh kombajnizatsii uborki zernovoykh // Planovoe khozyajstvo. 1937. N 7. S. 103–118].

Минц Л. Е. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М. ; Л., 1929. 467с. [Mints L. E. Agrarnoe perenасelenie i rynok truda v SSSR. M. ; L., 1929. 467 s.].

Недедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009. 209 с. [Nefedov S. A. Agrarnye i demograficheskie itogi russkoj revolyutsii. Ekaterinburg, 2009. 209 s.].

Недедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. 539 с. [Nefedov S. A. Demograficheski-strukturnyj analiz sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii. Ekaterinburg, 2005. 539 s.].

Недедов С. А. Изменение уровня потребления продуктов питания в результате коллективизации // Вестн. Тамбов. ун-та. 2010. № 6. С. 208–213. [Nefedov S. A. Izmenenie urovnya potrebleniya produktov pitaniya v rezul'tate kollektivizatsii // Vestn. Tambov. un-ta. 2010. N 6. S. 208–213].

Недедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. 2. М., 2011а. 686 с. [Nefedov S. A. Istorya Rossii. Faktornyj analiz. T. 2. M., 2011a. 686 s.].

Недедов С. А. О рабовладельческой сущности русского крепостничества // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2011б. № 3(93). С. 199–205. [Nefedov S. A. O rabovladel'cheskoj suschnosti russkogo krepostnichestva // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2011b. N 3. S. 199–205].

Недедов С. А. Уровень жизни в сталинскую эпоху: питание уральцев // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2012. № 2(102). С. 222–230. [Nefedov S. A. Uroven' zhizni v stalinskuju erokhu: pitanie ural'tsev // Izv. Ural. federal. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2012. N 2. S. 222–230].

О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 г. // Собр. постановлений и распоряжений правительства СССР. 1939. № 34. Ст. 235. [O merakh okhrany obschestvennykh zemel' kolkhozov ot razbazarivaniya. Postanovlenie SNK SSSR i TSK VKP(b). Postanovlenie SNK SSSR i TSK VKP(b) ot 27 maya 1939 g. // Sibr. postanovlenij i rasporyazhenij pravitel'stva SSSR. 1939. N 34. St. 235].

РГАЭ. Ф. 1562 (ЦСУ СССР). [RGAE. F. 1562 (TSSU SSSR)].

Стетценко Н. Трудовые ресурсы и их использование в колхозах УССР // Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 7. С. 27–35. [Stetsenko N. Trudovye resursy i ikh ispol'zovanie v kolkhozakh USSR // Sotsialisticheskoe sel'skoe khozyajstvo. 1940. N 7. S. 27–35].

Фитцпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня : пер. с англ. М., 2008. 422 с. [Fitzpatrick SH. Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya : per. s angl. M., 2008. 422 s.].

Статья поступила в редакцию 16.09.2012 г.